

Информация для цитирования:

Шулежкова С. Г. Православие и письменность как факторы сохранения нагайбакского этноса / С. Г. Шулежкова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 140—159. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-140-159.

Shulezhkova, S. G. (2024). Orthodoxy and Literacy as Factors in Preserving Nagaibak Ethnic Group. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 140-159. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-140-159. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Православие и письменность как факторы сохранения нагайбакского этноса

Шулежкова Светлана Григорьевна

orcid.org/0000-0002-0314-6721

ScopusAuthorID 57193141858

WoS ResearcherID: AAZ-3895-2021

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
общего языкознания и
массовой коммуникации
shulezhkova@gmail.com

Магнитогорский государственный
технический университет
им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
и Правительства Челябинской области,
проект № 23-18-20045 «Создание
нагайбакской письменности как базы
для сохранения уникальной культуры
одного из малочисленных коренных
этносов Южного Урала»

Orthodoxy and Literacy as Factors in Preserving Nagaibak Ethnic Group

Svetlana G. Shulezhkova

orcid.org/0000-0002-0314-6721

ScopusAuthorID 57193141858

WoS ResearcherID: AAZ-3895-2021

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language,
General Linguistics and
Mass Communication
shulezhkova@gmail.com

Nosov Magnitogorsk
State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Acknowledgments:

The research was conducted
with financial support
from the Russian Science Foundation
and the Government of the Chelyabinsk
Region, project № 23-18-20045
“Creation of Nagaybak Script as a basis
for preserving the unique culture
of one of the small-numbered indigenous
ethnic groups of the Southern Urals”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема, связанная с угрозой исчезновения нагайбаков, одного из малых народов России. Нагайбаки — бесписьменный этнос, численность которого неуклонно сокращается. В XIX веке их было свыше 12 000, сегодня — немногим более 5 700 человек. Идентичность нагайбаков жидется на коллективной памяти, в основе которой лежат православие, казачество и необычный тюркский язык. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения народа, чья самобытная культура вызывает глубокий интерес у современных историков, этнографов, искусствоведов. Цель исследования — доказав оригинальность языка нагайбаков и большую роль православия в их судьбе, обозначить пути спасения этноса от растворения в соседних нациях. Новизна работы заключается в том, что акцент делается на коллективной памяти нагайбаков, отражённой в разговорном языке, фольклоре, молитвах, названиях праздников, обрядов и их атрибутов. Представлен лингвистический проект, результатом реализации которого станет внедрение нагайбакской письменности. Помимо поддержки православного богослужения, опубликованные при участии автора словари, русско-нагайбакский разговорник, разрабатывающиеся азбука, грамматика и руководство для преподавателей нагайбакского языка станут гарантией сохранения уникального этноса в многонациональной России.

Ключевые слова:

бесписьменный этнос; нагайбаки; коллективная память; религиозные взгляды; самобытность языка; алфавит; перспективная языковая политика; языковое строительство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of the threat of disappearance facing the Nagaibak people, one of the small ethnic groups in Russia. The Nagaibaks are a non-literate ethnic group, whose population is steadily declining. In the 19th century, there were over 12,000 of them, but today there are just over 5,700 individuals. The identity of the Nagaibaks is based on collective memory, rooted in Orthodoxy, Cossack heritage, and their unique Turkic language. The relevance of this study lies in the necessity of preserving a people whose distinctive culture is of great interest to modern historians, ethnographers, and art scholars. The aim of this research is to demonstrate the originality of the Nagaibak language and the significant role of Orthodoxy in their fate, as well as to identify ways to save the ethnic group from assimilation into neighboring nations. The novelty of this work lies in its emphasis on the collective memory of the Nagaibaks, reflected in their spoken language, folklore, prayers, holiday names, rituals, and attributes. A linguistic project is presented, the implementation of which will lead to the introduction of Nagaibak script. In addition to supporting Orthodox worship, dictionaries published with the author's involvement, a Russian-Nagaibak phrasebook, the development of an alphabet, grammar, and a guide for Nagaibak language teachers will ensure the preservation of this unique ethnic group in multicultural Russia.

Key words:

non-literate ethnic group; Nagaibak; collective memory; religious beliefs; linguistic uniqueness; alphabet; prospective language policy; language construction.

УДК 81'272:003.33

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-140-159

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Православие и письменность как факторы сохранения нагайбакского этноса

© Шулежкова С. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Над нагайбаками, как и над частью других малых коренных народов России, нависла угроза исчезновения: «... численность нагайбаков, составлявшая согласно переписи 2010 г. 8148 человек, уменьшилась к 2020 г. почти на треть — до 5 719 человек» [Белоруссова, 2023, с. 200]. В стране, где проживают представители 193 национальностей, нагайбаки занимают 89-е место [Баширов, 2022], но вряд ли найдётся в Российской Федерации ещё один малый народ, кроме нагайбакского, о котором написано столько исторических трактатов, этнографических очерков и искусствоведческих работ, снято столько видеофильмов. Судьбой нагайбаков, потомков инородческой части южноуральского казачества, их образом жизни, мировоззрением, традициями, музыкальным наследием интересуются не только светские учёные, см., например: [Атнагулов, 2007, 2021, с. 86—91; Белоруссова, 2016, с. 43—53, 2017, с. 49—564, 2019, 2023; Имамеева, 1997; Макаров, 2014, с. 30—35, 2015; Ованесян, 2019, с. 511—513; Тептеев, 2015, с. 40—51 и др.]. Активное участие в изучении судьбы нагайбаков принимают и представители православного духовенства. Особого внимания применительно к теме нашего исследования заслуживают кандидатская диссертация епископа Магнитогорского и Верхнеуральского Зосимы [Балин, 2023, с. 144—171], а также работы протоиерея А. Гупало [Гупало, 2019, 2023].

Самое удивительное в 300-летней судьбе нагайбаков то, что, находясь в разноязычном поликонфессиональном окружении, они сохранились как этническая общность до наших дней. Будучи сами православными и тесно взаимодействуя с русскими, нагайбаки не отказались от родного тюркского языка. Говоря на языке, близком к языку своих постоянных соседей татар, башкир, казахов и других народов, исповедующих ислам, нагайбаки остались верны христианству. Огромную роль в этом сыграла миссионерская деятельность Русской православной церкви. Как пишет А. Гупало, современный исследователь истории православного просвещения инородцев на

Южном Урале, «Воцерковление послужило мощным импульсом для этнического строительства у нагайбаков. В процессе становления собственной церковной жизни в нагайбакском обществе появились механизмы сохранения, воспроизведения и развития начал народной жизни, без которых не может существовать ни одна более-менее значительная этническая группа...» [Гупало, 2023, с. 380]. Базой сохранения идентичности нагайбаков, помимо православия, стали казачество и оригинальный язык. Коллективная память нагайбаков о прошлом отражена в разговорной речи, в устных преданиях, в религиозной терминологии, в фольклоре, в семейных традициях, обрядовой культуре, где «всякое “Я” связано с “МЫ”, дающим основы для индивидуальной идентичности» [Ассман, 2014, с. 12].

Цель исследования — используя доказательства оригинальности нагайбакского языка, аргументировать необходимость, наряду с возрождением православного богослужения, внедрять собственно нагайбакскую письменность, что может гарантировать устойчивость нагайбакского этноса.

Анализ нагайбакского лексико-фразеологического материала осуществляется с учётом принципов антропоцентризма, функционализма и эксплантарности. При описании языка малого народа используются лингвокультурологический и когнитивный методы исследования с применением приёмов компонентного анализа. Фонетическая система нагайбакского языка анализируется с помощью сравнительно-сопоставительного метода. Материалами исследования послужили аудиозаписи живой разговорной речи, уже изданные словари, а также лексико-фразеологические материалы, тематически систематизированные и сохранённые в электронных записях, сделанных во время экспедиций.

Язык нагайбаков, при всей многогранности научной литературы об этом этносе, остаётся наименее изученным фактором их идентичности. Но именно языку нагайбаков в первую очередь грозит исчезновение. Оттого проблема спасения малочисленного нагайбакского этноса должна решаться не только за счёт строительства храмов и возрождения православного богослужения (сегодня в Нагайбакском районе уже действует 9 православных объектов), но и за счёт внедрения нагайбакской письменности и организации обучения детей нагайбаков языку их предков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Коллективная память нагайбакского этноса, значительной составляющей которой является культурная память, хранится по преимуществу в различных вербальных формах народного творчества, бытующих в устном виде. «Объективность коллективной памяти неоднократно ставилась под вопрос. Причём суть критической аргументации <...> сводится к тому,

что всякое воспоминание может быть лишь личным, индивидуальным, а стало быть, оно не может принадлежать социальной группе или обществу. Однако эффективность гуманитарных исследований <...> свидетельствует о том, что коллективная память есть реальный феномен» [Сабанчеев, 2020, с. 267]. Известный философ-культуролог Я. Ассман утверждает: «Именно необходимость сохранения культурной памяти породило письмо» — и добавляет: «Культурная память может осуществляться лишь искусственно <...> и в то же время это — память, потому что она функционирует по отношению к социальной коммуникации совершенно так же, как индивидуальная память по отношению к сознанию» [Ассман, 2004, с. 23]. Научной группе Магнитогорской словарной лаборатории приходится иметь дело с бесписьменным языком, и у нас нет возможности воспользоваться полноценными письменными материалами как источниками для изучения фонетического и грамматического строя нагайбакского языка, а также его лексико-фразеологического состава. Что же касается различных фольклорных записей нагайбакских текстов, выполненных собирателями в XIX—XX веках и даже в первой четверти XXI столетия, то они ориентированы преимущественно на татарский язык, а нагайбаки не без основания категорически отказываются признавать свой язык средним диалектом татарского. Материалами нашего исследования стали услышанные непосредственно от современных носителей нагайбакского языка пословицы и поговорки (см. [Барышникова и др., 2019]), тексты песен (походных казачьих, лирических девичьих, колыбельных, святочных, хороводных, духовных), частушки (см. [Барышникова, 2020]), прибаутки, сказки для детей, устные предания. В таких условиях ведущей при сборе языкового материала стала *полевая методика*.

О том, почему нагайбакский язык остался бесписьменным, нам уже приходилось писать ранее (см. об этом: [Шулежкова, 2023, с. 132—134]). Отсутствие письменности обрекает языки малых народов на забвение. Как гласит старинная нагайбакская пословица, *Без языка, и колокол нем*. Исчезнет язык — не останется шансов выжить и самому этносу. Бесписьменность нагайбаков — прямой результат переломных событий в истории России после Октябрьской революции. Среди них — гонения на церковь, которая курировала обучение детей инородцев в православных учебных заведениях; разрушение храмов, уничтожение икон и православной литературы, преследование священнослужителей, а также классовая борьба, трагически отразившаяся на судьбах не только казаков-нагайбаков, но и казаков России в целом. Самым болезненным ударом для нагайбакского языка стало закрытие в конце 1920-х — начале 1930-х годов православных школ с преподаванием на нагайбакском языке. В итоге нагайбакская моло-

дѣжь в наши дни фактически перестала говорить на языке своих предков, а нагайбакский язык нуждается в поддержке.

Проблема спасения малого этноса должна решаться не только государственными органами, но и лингвистами. Помимо финансирования музеев, поддержки фольклорных коллективов (что выполняется областной и районной администрацией), необходимо создание учебных книг (азбуки, грамматики, разнообразных словарей, сборников связных текстов на нагайбакском языке), а также подготовка будущих учителей родного языка для школ в местах компактного проживания нагайбаков.

Сотрудничая с собирателями лексико-фразеологических богатств нагайбакского языка, научный коллектив уже более 10 лет изучает устную разговорную речь жителей Нагайбакского района. За это время было организовано несколько экспедиций в посёлки Остроленский, Париж, Фершампенуаз и др.; проанализированы коллекции собирателей нагайбакских слов и выражений (О. И. Барышниковой, Н. П. Васильева, И. Г. Терякова, а также супругов П. М. и В. А. Минеевых [Васильев, 2023; НРС РНС, 2015; НРСТем, 2017; СГНФ, 2015]). Собранные материалы убедили нас, во-первых, в том, что нагайбаки правы, считая свой родной язык оригинальным и не признавая его средним диалектом татарского языка (на чём настаивают не только тюркологи, но и авторы самых известных исторических и этнографических трактатов о нагайбаках); во-вторых, этот анализ убедил нас в том, что языковые данные являются объективными показателями менталитета нагайбаков и надёжными хранителями их коллективной памяти, в том числе культурной. О том, какую огромную роль играет коллективная память в жизни любого этноса, пишут многие специалисты (см., например, [Сабанчеев, 2016, с. 267—271]). Как утверждает известный философ Ю. М. Лотман, «культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти...» [Лотман, 1992, с. 200].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Определяя православие и письменность как важнейшие факторы сохранения нагайбакского этноса, мы исходили из того, что религия в союзе с письменностью издревле играла огромную роль в формировании и сохранении идентичности и коллективной памяти не только больших, но и малых народов. Во второй половине XIX и первой трети XX века миссионерская деятельность Русской православной церкви на Южном Урале дала весомые результаты. Подготовка священников, которые осу-

шествовали богослужение для крещёных инородцев и преподавали в православных школах Закон Божий на родном для детей инородцев языке, способствовала тому, что малые этносы, в том числе нагайбаки, не растворились в соседних крупных народах, сохранив свои оригинальные языки и идентичность.

3.1. Своеобразие нагайбакского языка

Исследование записей живой разговорной речи нагайбаков, а также анализ лексического состава нагайбакско-русских и русско-нагайбакских словарей свидетельствуют о том, что нагайбакский язык близок к татарскому и принадлежит к тюркской языковой семье. Это подтверждается целым рядом признаков, из которых отметим только самые существенные.

1. Многие нагайбакские слова имеют те же корни, что и татарские лексемы. Тюрколог Г. К. Валеев, изучив содержание «Нагайбакско-русского словаря», опубликованного в 2015 году, обнаружил, что «соотношение “одинаковых” (совпадающих по звучанию и произношению) слов к разнофонемным (отличающимся по фонемному составу), таких, например, как *хэзер* — *кэзер* ‘сейчас’, выглядит как 4:1, то есть нагайбакский язык близок к татарскому» [Валеев, 2015, с. 24].

2. Как и прочие тюркские языки, нагайбакский относится к числу языков с агглютинативным строем, при котором образование различных грамматических форм и однокоренных слов происходит за счёт «приклеивания» к корню или к основе аффиксов (префиксов или постфиксов), каждый из которых обладает обычно каким-то одним определённым значением. Например, нагайб. *кеше*, ед. ч. (‘человек’) — *кешелер*, мн. ч. (‘люди’); *кешешә*, нареч. (‘по-человечески, по-людски’).

3. Ударение, как и в других тюркских языках, в нагайбакском языке, как правило, падает на конечный слог лексемы: *турҗАй* (‘жаворонок’), *щәбәләнергә* (‘метаться / метнуться’).

4. Как и другим тюркским языкам, нагайбакскому языку свойствен межслоговой сингармонизм, который проявляется в том, что абсолютное большинство слов состоит из слогов, содержащих либо только гласные переднего ряда, соседствующие с твёрдыми согласными, либо только гласные переднего ряда, соседствующие с согласными, испытывающими смягчение. Например, нагайб. *артка* (‘назад’), *туры* (‘прямой’); *тегермән* (‘мельница’), *китерергә* (‘приносить / принести’).

Однако, несмотря на сходство с татарским языком, принадлежа к тюркской языковой семье, нагайбакский, несомненно, является оригинальным языком. Не случайно после анализа лексических материалов «Нагайбакско-русского словаря» профессор Г. К. Валеев заключил: «... лексические показатели выявили относительно высокую независимость нагайбакского

языка от татарского» [Валеев, 2015, с. 25]. Доказательств тому немало. Некоторые из них отмечены и самим Г. К. Валеевым.

1) «Нагайбаки, в отличие от татар и других тюркских народов, исповедующих ислам, выработали новые лексемы для обозначения абстрактных понятий: ‘нация’ — тат. *милләт*, нагайб. *ден*; ‘народ’ — тат. *халык*, нагайб. *мәндә*; ‘родословная’ — тат. *шәжәрә*, нагайб. *зәуер*. Для наименования венчального платья и обряда венчания, чуждого мусульманской культуре, нагайбаки использовали древнее тюркское слово *кәбеннек* <...> причём название возложения венца на новобрачных сблизили с наименованием завершения бытового стогометания — венчанием: — *кәбен коеу*» [Там же, с. 25—26].

2) в отличие от татарской, нагайбакская лексико-фразеологическая система испытала более глубокое влияние со стороны русского языка. Это влияние ощутимо не только в общественно-политической сфере, в религиозной, в хозяйственной, образовательной и культурной жизни нагайбаков (см. об этом в работе «Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка» [Шулежкова, 2022]), но и в бытовом, внутрисемейном общении. Даже имена и фамилии нагайбаков очень часто не отличаются от имён и фамилий русских, что не в последнюю очередь связано с православным вероисповеданием малого народа.

3) Убедительные доказательства самобытности нагайбакского языка можно найти при анализе его звуковой системы, подробная характеристика которой дана во вступительном очерке к «Нагайбакско-русскому словарю с грамматическими пометами» [НРСГр, с. 3—9]. К наиболее серьёзным отличительным чертам фонетического строя нагайбакского языка следует отнести отсутствие таких привычных и для русских, и для татар звуков, как [в], [ф], [ц], [ч], [х]. Там, где русский или татарин произносит [в], нагайбак, говоря на родном языке, произнесёт [б]; на месте уже ставшего обычным и для русских, и для татар звука [ф] нагайбак использует [п]; на месте [ц] или [ч] у нагайбака непроизвольно появляется [щ], а на месте [х] — звук [к]. Ср., например, рус. *врач* — нагайб. *брац*, рус. *фанера* — нагайб. *панир*, рус. *церковь* — нагайб. *щиркау*, рус. *мох* — нагайб. *мук*.

4) Характерная черта нагайбакского языка — невозможность употребления в начале слова звуко сочетаний [йе] и [йу]. На месте татарского [й] нагайбаки в таких случаях произносят мягкий [ж'] (обозначаемый в предлагаемом нами алфавите буквой «*жс*»), что существенно отличает нагайбакскую речь от татарской. Ср., например, тат. *елгар* — нагайб. *жсылгыр* (‘ловкий’), тат. *юлдаш* — нагайб. *жсұлдаш* ‘спутник’.

5) Одна из примечательных особенностей нагайбакского языка — своеобразное проявление тенденции, касающейся взаимосвязи гласных и со-

гласных звуков в структуре слова. Перед гласными переднего ряда и в абсолютном конце слова после слога, формирующегося с помощью гласного переднего ряда, парные по твёрдости / мягкости согласные смягчаются. Но, в отличие от действия этой тенденции, например, в татарском языке, в нагайбакском парные по твёрдости / мягкости согласные весьма заметно произносятся в таких условиях полумягко, а не мягко (исключение в этом плане, по нашим наблюдениям, составляет лишь пара [л] — [л']). Например, *бетерергә* [б'ет'ер'ергә] ('кончать / кончить'), *кисәтергә* [к'ис'әтергә] ('предупреждать / предупредить'). Не случайно на вопрос, чем отличается нагайбакская речь от татарской, даже самые неискушённые собеседники-нагайбаки отвечают: «*Татары говорят мягко*». Всё это, по словам известного тюрколога, «убеждает в том, что нагайбаки выработали свой этнический тип и самобытный язык» [Валеев, 2015, с. 26].

3.2. Отражение православного исповедания в нагайбакском языке

Несмотря на длительный атеистический период в истории России, сопровождавшийся разрушением храмов, уничтожением икон и религиозных книг, а также преследованием священников, не обошедшими стороной и Южно-Уральский регион, нагайбаки сохранили свою приверженность православной вере. Это отразилось в культурной памяти этноса и активизировалось в последние три десятилетия в связи с коренными социально-политическими изменениями в жизни России. Ю. М. Лотман справедливо пишет: «Культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени. Она сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [Лотман, 1992, с. 201]. И добавляет: позитивистский взгляд на культурную память «фактически антиисторичен, так как игнорирует активную роль памяти в порождении новых текстов» [Там же]. Справедливость точки зрения Ю. М. Лотмана, сформулированной три десятилетия тому назад, подтверждается современными исследованиями. В работе «Православная идентичность нагайбаков» С. Ю. Белоруссова, характеризуя процессы восстановления и строительства православных храмов в нагайбакских поселениях, пишет о том, что «... православная культура, которая стала определяющим фактором в становлении этничности нагайбаков, продолжала жить внутри родства и в советское время. Те, кто испытал на себе влияние миссионерской школы и церкви, хранили православие как святыню <...> Согласно опросу, среди нагайбаков много тех, кто не крещён или никогда не был в церкви, однако все считают себя православными» [Белоруссова, 2017, с. 51—52]. Это подтверждается и нашими данными. На вопрос «*Какой веры придерживаются нагайбаки?*» (= нагайб. *Нейдей тоталар нагайбаклар?*») мы неизменно слышали ответ:

«Нагайбаки — православные христиане» (= нагайб. *Нагайбаклар — дөрес ден қалқы*)» (см. об этом: [РНР, 2023, с. 193—194]).

Автор книги «Соты памяти народной», сама будучи нагайбачкой, пишет: «У нагайбаков после закрытия церквей исподволь стали восстанавливаться языческие традиции. Будучи ревнителями Христианской веры, нагайбаки не завязывали родственных отношений ни с казахами, ни с башкирами. Нагайбаки — этнос со своим национальным самосознанием, причиной этому, вероятно, был полувоенный образ жизни, державший их всегда на расстоянии от других народов России...» [Вдовина, 2008, с. 62]. Этот нагайбакский симбиоз языческих элементов с православием не воспринимается современной Русской православной церковью как нечто непременно подлежащее искоренению. Во всяком случае, такую точку зрения высказал епископ Магнитогорский и Верхнеуральский Зосима в нашей беседе с ним о вероисповедании нагайбаков. Он твёрдо уверен в том, что нагайбаки, несмотря на некоторые языческие обряды, которыми они сопровождают важные моменты в их жизни (похороны, начало уборки урожая и пр.), остались православными христианами.

Коллективная память (по-нагайбакски *қатер*) содержит множество ритуальных, жестовых и вербальных доказательств приверженности нагайбаков православию. Устойчивые фразы и формулы, отражающие основы православной веры, а также христианская терминология прочно осели в нагайбакском языке. Они сохранились в молитвах и заговорах, в духовных песнопениях, наложили свой отпечаток на многие нагайбакские пословицы и поговорки; сопровождают религиозные праздники, которые нагайбаки отмечали даже в самые сложные атеистические времена. В рамках статьи остановимся лишь на нескольких тематических группах православной лексики и фразеологии, используемых нагайбаками. Наиболее важные из них — 1) наименования самой веры, а также потусторонних персонажей и святых, которым поклоняются православные христиане; 2) обозначения форм взаимоотношений между верующими и самим Господом Богом; 3) названия православных праздников и связанных с ними ритуалов; 4) языковые единицы, именующие объекты и предметы православного культа.

1) Саму православную веру нагайбаки называют либо словосочетанием *щын ден*, буквально означающим ‘истинная вера’, либо лексемами *ден*, *өмет*, *ышаныш*, каждая из которых в соответствующих контекстах переводится на русский язык как ‘вера’, ‘религия’, ‘исповедание’ (см. [НРСГр, 2023, с. 58, 173, 267]). Всевышнего нагайбаки с почтением называют *Қодай* или *Тәңер* [Там же, с. 142, 210] и (под влиянием соседей-татар) — *Алла* [Там же, с. 19]. Однако в подлинно народных источниках, таких как пословицы и поговорки, Всевышний называется только по-нагайбакски —

Қодай (см., например, нагайб. *Шайтан алмый аны, Қодайға кирәк төгел* = рус. *Чёрт не возьмёт его, а Богу не надо*). Иисуса Христа нагайбаки называют *Исус Кристос*, Бога Отца — *Қодай Ата*, Бога Сына — *Қодай Ул*. К Святой Деве Марии нагайбаки обращаются «*Изге Қыз Мәрее!*», к святому апостолу Петру — «*Изге Питер!*», к святому апостолу Павлу — «*Изге Пауал!*». Ангелов нагайбаки называют *пәрейшәлер* [Там же, с. 177], а их антиподов-чертей — *пәрейлер*.

2) Целый блок языковых единиц в нагайбакском языке характеризует взаимоотношения нагайбаков с Господом Богом. Если спросить у нагайбакских женщин или мужчин зрелого возраста, на каком языке они молятся Богу (= нагайб. *Нейдей телдә нагайбаклар теләк телейләр Қодайға?*»), каждый из них ответит: «*Нагайбаклар Қодайға теләк телейләр үзләренң туған телендә*» (= рус. «*Нагайбаки молятся Богу на родном языке*») (см. [РНР, 2023, с.193–194]). Как и русские православные люди, верующие нагайбаки обращаются к Всевышнему через молитвы (рус. *молитва* — нагайб. *иман*; рус. *молиться* — нагайб. *иман укырға*). Они знают, что такое *исповедь* (= нагайб. *кишереүне сорау*), могут пойти в церковь *исповедаться* (= нагайб. *кишереүне сорарға*), *покаяться* в своих *грехах* (нагайб. *үкенергә, табынырға*) [НПС РНС, 2015, с. 86]; рус. *грех* — нагайб. *гонақ, жазық*; рус. *грешить* — нагайб. *жазықларырға*; рус. *грешник, грешная душа* — нагайб. *жазықы жазықлы жан* [НРСГр, 2023, с. 67]).

В нагайбакском языке, как и в русском, немало формул-коммуникативов и эмоциональных восклицаний, в состав которых входят обращения к Всевышнему. Это могут быть наставления в трудные минуты жизни, пожелания, просьбы о помощи, заклинания или слова благодарности в случае успеха или радостных событий (нагайб. *Бәрук Қодай таишамасың!* — рус. *Лишь бы создатель не отвратил от нас своих очей!*; нагайб. *Әй Қодайем!, Ул Аллам!* — рус. *Боже мой!; Қодай сақласы!, Аллам сақласы!* — рус. *Боже упаси!*; нагайб. *Қодай тыныңжәқы бир!* = рус. *Дай Бог спокойного сна!* и др.).

3) С великим почтением нагайбаки относятся к православным праздникам. Праздники, связанные с вероисповеданием, играют огромную роль в сохранении культурной памяти и идентичности любого народа (см. об этом: [Зубанова, 2020; Ковалёв, 2008]). Для всех православных праздников у нагайбаков существуют особые названия, которые представляют собой либо кальки с церковнославянских слов и выражений, либо фонетически освоенные заимствования из русского языка. К наиболее почитаемым праздникам у нагайбаков относятся *Рождество Христово* (*Қодайның / Кристосның тыугаң көнен*), *Святки* (*Нардуган*), *Пасха* (*Олы көнне*), *Троица* (*Ториссынны*) и *Покров день* (*Пыкрауны, бүтәннәрен дә*) (см. [РНР, 2023, с. 202]). О том, какими ритуалами (с их нагайбакскими названия-

ми) сопровождаются православные праздники, можно узнать в разделе «Религиозные праздники» «Русско-нагайбакского разговорника» [РНР, 2023, с. 201—216] и в книге известной собирательницы нагайбакского фольклора «Соты памяти народной» [Вдовина, 2008, с. 63—74]. Помимо легенд, сказок, былей, притч, описания нагайбакской кухни, некоторых обычаев нагайбаков, примет, в которые они верят, читатель может найти у С. И. Вдовиной и сведения, касающиеся истории православных храмов в нагайбакских поселениях [Там же, с. 11—62].

4) Особую группу в нагайбакском языке формируют слова и выражения, называющие объекты и предметы православного культа: рус. *церковь* — нагайб. *щиркэу*, рус. *Святое Евангелие* — нагайб. *Изге Сүз*, рус. *икона* — нагайб. *тэре*, рус. *крест* — нагайб. *крис*, рус. *купель* — нагайб. *щукыныу сыуы*, рус. *крашеное яйцо* — нагайб. *буган кукэй*, рус. *святая вода* — нагайб. *изге сыу*, рус. *колокол* — нагайб. *щан* и пр. (См. [РНР, 2023, с. 216—220]).

Таким образом, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, сложившиеся для нагайбаков в атеистические времена, они сохранили священную память о православной вере, и самым надёжным хранилищем для этой веры стал их своеобразный язык.

3.3. Письмо как ценность. Алфавит для нагайбаков

Образование, учёба и письмо всегда осознавались нагайбаками как величайшая ценность. Об этом свидетельствует нагайбакский фольклор. «Ученье дороже богатства; Знание — половина ума; у кого локти крепки — одного осилит, у кого знания крепки — тысячу осилит» [Барышникова, 2019, с. 50—51], — говорят дошедшие до наших дней старинные нагайбакские пословицы. А в современных нагайбакских частушках *письма* фигурируют как средства, в которых нагайбакские молодые люди в самых сокровенных чувствах признаются своим любимым: «*Висит на яблоньке платок — / Так ласточек встречаю я / Пишу письмо тебе, дружок, / Чтоб ты узнал: скучаю я*»; «*Когда пишешь мне, в чернила / Ты гвоздику положи. / Всем разлучницам дорогу / к нам навеки закажи; Белую солому я / в сарай убираю, А соскучусь по любимой — / Письма посылаю*» [Барышникова, 2020, с. 20, 22, 59]. Но сегодня молодые нагайбаки пишут письма не на нагайбакском, а на русском или татарском языках в соответствии с тем, на каком языке они получают образование.

В дореволюционной России среди казачьих подразделений нагайбакские части относились к наиболее образованным. Дети нагайбаков, готовясь к военной службе, 6 лет учились в православных школах, где преподавание велось на нагайбакском языке по системе Н. И. Ильминского. Параллельно с классами для мальчиков действовали и классы для девочек

(правда, с гораздо меньшим составом). Система обучения в казачьих нагайбакских станицах Южного Урала подробно описана в книге протоиерея Андрея «Нагайбакская миссия» [Гупало, 2023, с. 104—114]. Однако полувековая письменная традиция после закрытия православных школ с преподаванием на нагайбакском языке прервалась. Дети нагайбаков стали получать образование либо на русском, либо на татарском языке. Книги, напечатанные с использованием алфавита Н. И. Ильминского, по которым шло обучение в православных школах, были изъяты и уничтожены. Сейчас ни в библиотеках, ни в музеях Нагайбакского района их не найти.

Вопрос о собственной письменности для нагайбаков очень долго не только не решался, но даже не ставился. На это были свои причины. Несмотря на то, что при переписи населения, проводившейся в 1920-е годы, нагайбаки были признаны самостоятельным этносом, их язык называли татарским, а позже, при выдаче паспортов, и самих нагайбаков стали причислять к татарам. Последствия таких решений для нагайбаков были печальными: во время ликвидации безграмотности в молодом социалистическом государстве нагайбаки не могли попасть в число бесписьменных малых народов, для которых советские лингвисты активно изобретали алфавиты. Конечно, в годы культурной революции проще всего было приспособить для этой цели алфавит Н. И. Ильминского. Но в советские времена на этом алфавите лежала печать запрета из-за религиозного содержания всех книг, напечатанных буквами этой азбуки, а просветительская деятельность Ильминского публично осуждалась как «мракобесие» (см. об этом: [Сулейманов, 2012]).

Долгие годы борьбы нагайбаков за признание их малым этносом, говорящим на особом языке, закончились победой: в «Постановлении Правительства РФ № 255 от 24 марта 2000 года “О едином перечне коренных малочисленных народов РФ”» нагайбаки заняли 16-е место [Постановление, 2000]. Препятствия на пути создания алфавита для бесписьменного нагайбакского этноса были устранены. Когда по просьбе представителей нагайбакской общины научный коллектив Магнитогорской словарной лаборатории намечал программу создания книг, которые помогли бы начать обучение детей нагайбаков родному языку, сразу возник вопрос об алфавите. В сложившейся ситуации, что вполне естественно, мы обратились к уникальному опыту Н. И. Ильминского, который ещё в 1873 году писал: «Алфавит служить обыкновенно признакомъ и памятникомъ соотношеній религиозныхъ. То почти историческая аксіома, что когда одинъ народъ принималъ отъ другаго народа вѣру, то вмѣстѣ съ вѣрой принималъ отъ него и алфавитъ» [Изъ переписки ..., 1883, с. 18]. Наша работа проходит на фоне возрождения православного богослужения в нагайбакских поселениях. И образцом для нагайбакского алфавита для нас стала обрусевшая кирилли-

ца. Предлагаемый нами алфавит, состоящий из 31 буквы, отражает состояние звуковой системы современного нагайбакского языка. Он отличается и от современного русского алфавита, и от алфавита Ильминского. В нём нет ни букв В, Ф, Ц, Ч, Х, Ё, ни Ъ и Ы, зато есть буквы, характеризующие специфические нагайбакские звуки (F, K, Ж, H, Y, Ə, Ø) (см. [НРСГр, 2023, с. 7—11]). При его создании мы учитывали принципы, разработанные выдающимся востоковедом-просветителем Ильминским при написании учебной литературы для православных школ, где тюркоязычные дети обучались на своих родных языках: «Принявши за основное правило русской транскрипции для инородческих языковъ то, чтобы дѣлать въ русской азбукѣ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, необходимыя по фонетическимъ свойствамъ даннаго языка, нужно допустить для разныхъ инородческихъ языковъ разную степень приспособленія русской азбуки... » [Изъ переписки..., 1883, с. 28—29].

4. Заключение = Conclusions

Решая проблему внедрения письменности с целью остановить «рассеивание» нагайбаков среди соседних наций, мы прекрасно осознаём всю сложность ситуации. Уже слишком быстро и внешне безболезненно «рассеиваются» среди русских и татар потомки лихих казаков-нагайбаков, чья выправка, бесстрашие и боевые подвиги восхищали даже врагов. Правда, некоторые исследователи не видят ничего опасного в том, что происходит сейчас с этим малым народом. Даже одна из самых талантливых исследовательниц судьбы и культуры нагайбаков С. Ю. Белоруссова, характеризуя реакцию нагайбаков на сокращение численности своего этноса, уверяет: «... после длительного периода запрета на этничность получение возможности называть себя нагайбаками позволило успокоиться и почувствовать долгожданную свободу — свободу от доказательств своей идентичности <...> народ не теряется и не растворяется, а вступает в новый этап этнической истории». [Белоруссова, 2023, с. 222].

Отсутствие письменности — самое уязвимое место нагайбакского этноса, ведь первыми исчезают с лица Земли именно бесписьменные малые народы. И одним из самых тревожных показателей в этом отношении является резкое сокращение их численности. Эту тенденцию можно наблюдать в любом современном государстве, «где есть и языки меньшинств, и разные формы существования господствующего языка». Проводя языковую политику, власти должны учитывать «взаимодействие двух естественных, но противоположных потребностей <...> между потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания» [Алпатов, 2013, с. 11]. Отрадно, что в Российской Федерации, где русский язык ещё при СССР получил

государственный статус, государство не рассматривает его как антипод по отношению к национальным языкам малых народов. Признав язык титульной нации средством межнационального общения, оно не исключает поддержки языков и культур малых этносов. Об этом свидетельствует план масштабных мероприятий, намеченных Правительством РФ в связи с «Международным десятилетием языков коренных народов (2022—2032)». В рамках реализации этого плана работает и научный коллектив Магнитогорской словарной лаборатории, предлагая результаты своего лингвистического проекта как средства внедрения нагайбакской письменности и начала обучения детей нагайбаков родному языку.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Барышникова О. И. «О тебе душа страдает...»: нагайбакские частушки с переводом на русский язык / О. И. Барышникова, С. Г. Шулежкова. — Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати, 2020. — 156 с. — ISBN 978-5-7114-0737-9.
2. Барышникова О. И. Эйтем тиктэн эйтелмей / О. И. Барышникова // Пословица недаром молвится : толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа. — Магнитогорск : ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. — 157 с. — ISBN 976-5-7114-0679-2.
3. Баширов С. Всероссийская перепись населения 2021. Население регионов [Электронный ресурс] / С. Баширов // livejournal, 03.09.2022. — Режим доступа : <https://sevabashirov.livejournal.com/539466.html> (дата обращения 25.04.2023).
4. Васильев Н. П. Коллекция слов и этнографических заметок о нагайбаках. — Посёлок Остроленский, Нагайбакского р-на, Челябинской области, 2023. — 116 с.
5. НРСГр — Барышникова О. И. Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами / О. И. Барышникова, С. Г. Шулежкова ; под ред. Н. В. Поздняковой. — Москва : ФЛИНТА, 2023. — 276 с. — ISBN 978-5-9765-5436-8.
6. НРС РНС — Барышникова О. И. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь / О. И. Барышникова. — Магнитогорск : Издательство МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. — 175 с. — ISBN 978-5-9967-0635-8.
8. НРСТем — Минеев П. М. Русско-нагайбакский словарь. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский тематический словарь / П. М. Минеев, В. А. Минеева. — Челябинск : Цицеро, 2017. — 271 с. — ISBN 978-5-91283-861-3.
9. Постановление Правительства РФ № 255 от 24 марта 2000 года «О едином перечне коренных малочисленных народов РФ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://baza.nra.ru/pravitelstvo-rf-postanovlenie-n255-ot24032000-h518626/> (дата обращения 19.02.2024).
10. РНР — С. Г. Шулежкова. Русско-нагайбакский разговорник / С. Г. Шулежкова, О. И. Барышникова. — Москва : ФЛИНТА, 2023в. — 252 с. — ISBN 978-5-9785-5435-1.
11. СГНФ — Теряков И. Г. Словарь говора нагайбаков (по материалам села Фершампенуаз Нагайбакского района Челябинской области) / И. Г. Теряков. — Москва : ФЛИНТА, 2015. — 260 с. — ISBN 978-5-9765-5435-1.

Литература

1. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире : «одноязычная» и «двужызычная» практики и проблема языковой ассимиляции / В. М. Алпатов // *Comparative politics*. — 2013. — № 2 (12). — С. 11—22.
2. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / А. Ассман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 552 с. — ISBN 978-5-5-4448-1151-1.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с. — ISBN-5-4448-1958-6.
4. Ассман Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / А. Ассман. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — ISBN 5-94457-176-4.
5. Атнагулов И. Р. Опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX — начала XX века / И. Р. Атнагулов. — Магнитогорск : МаГУ, 2007. — 244 с.
6. Атнагулов И. Р. Феномен нагайбакской идентичности как результат политико-административных реформ и русских культурных влияний второй половины XVI — начала XX в. / И. Р. Атнагулов // *Вестник Томского государственного университета*. — 2021. — № 69. — С. 86—91. — DOI: 10/17223/19988613/69/12.
7. Балин М. А. Русская православная церковь как актор политики внутренней колонизации Российской империи в Западной Сибири и Степном крае : вторая половина XIX — начало XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 5.6.1 / М. А. Балин. — Омск, 2023. — 272 с.
8. Белоруссова С. Ю. Исчезают ли нагайбаки? / С. Ю. Белоруссова // *Этнография. Ethnografia*. — 2023. — № 1 (19). — С. 203—224. — DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19) 203-224.
9. Белоруссова С. Ю. Нагайбаки : динамика идентичности / С. Ю. Белоруссова. — Санкт-Петербург : Издательство МАЭ РАН, 2019. — 424 с. — ISBN 978-88431-376-7.
10. Белоруссова С. Ю. Нагайбаки на перекрёстке православных и Православия и мусульманских миссий / С. Ю. Белоруссова // *Религиоведение*. — 2016. — № 3. — С. 43—53.
11. Белоруссова С. Ю. Православная идентичность нагайбаков / С. Ю. Белоруссова // *Религиоведение*. — 2017. — № 3. — С. 49—56. — DOI: 10.22250/2072-8662.2017.3.49-56.
12. Валеев Г. К. Размышления над «Нагайбакско-русским и русско-нагайбакским словарём О. И. Барышниковой / Г. К. Валеев // *Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь. Научно-исследовательская словарная лаборатория ИТЦ ; гл. ред., автор вступ. ст. С. Г. Шулежкова*. — Магнитогорск : Издательство МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. — С. 2—27. — ISBN 978-5-9967-0635-8.
13. Вдовина С. И. Соты памяти народной / С. И. Вдовина. — Челябинск : ООО «АЛИМ», 2008. — 224 с. — ISBN 978-5-903322-36-7.
14. Гупало А. Нагайбакская миссия в XIX — нач. XX в. / А. Гупало. — 1-е издание. — Челябинск : Совет Русской Православной Церкви, 2023. — 425 с. — ISBN 978-5-6048719-5-9.
15. Гупало А. Течение совершил, веру сохранил». Памяти христианского просветителя нагайбаков, кряшенского свщ. Игнатия Тимофеевича Тимофеева [Электронный ресурс] / А. Гупало // *Творческое объединение*. — 2019. — Режим доступа : <https://www.beesona.pro/id55178/-literature/-106002/> (дата обращения 20.02.2024).

16. *Зубанова Л. Б.* Цифровая память в пространстве мемориальной культуры : образы прошлого в медиатехнологиях будущего / Л. Б. Зубанова // Челябинский гуманитарий. — 2020. — № 3 (52). — С. 15—22. — DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10302.

17. *Изъ* переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ. — Казань : Типографія Императорскаго университета, 1883. — 48 с.

18. *Имеева Р. А.* Многоголосье в татарской народной и профессиональной музыке (на материале песенной культуры нагайбаков — южноуральских татар-кряшен и произведений татарских композиторов 60—70 гг.) : автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения : 17.00.02 / Р. А. Имеева. — Магштогорск, 1997. — 23 с.

19. *Ковалев М. В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения культурной памяти / М. В. Ковалёв // Диалог со временем. — 2008. — № 25 (2). — С. 119—138.

20. *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избр. Статьи : в 3 т. Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллинн : Александра, 1992. — Т. 1. — С. 200—202. — ISBN 5-450-01551-8.

21. *Макаров Г. М.* Нагайбакские песни и музыкальные инструменты / Г. М. Макаров. — Казань : Татарское книжное издательство, 2015. — 207 с. — ISBN 978-5-298-02915-5.

22. *Макаров Г. М.* Христианские праздники и духовные песни кряшен / Г. М. Макаров // Керэшен мәдәнияте. Православ бэйрәмнәр, славутлар, дини жырулар = Кряшенская культура. Православные праздники, славильные песни, духовные стихи. — Казань : Отечество, 2014. — С. 30—35. — ISBN 978-5-9222-0785-0.

23. *Ованесян Л. Г.* Отражение русских фольклорных традиций в хороводах верхнеуральских казаков / Л. Г. Оганесян, Л. К. Клыкова // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 5 (78). — С. 511—513. — DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00201.

24. *Сабанчеев Р. Ю.* Культурная память как форма коллективной памяти (эпистемологический аспект) / Р. Ю. Сабанчеев // Вече. — 2016. — № 28. — С. 267—271.

25. *Сулейманов Р.* Николай Ильминский : развенчание мифов. Интервью с лидером кряшен Аркадием Фокиным (Из книги «Николай Ильминский и кряшенское национальное движение : сборник материалов конференции (27 декабря 2012 года)» [Электронный ресурс] / Р. Сулейманов. — Режим доступа : <https://pravoslavie.ru/55796.html> (дата обращения 12.04.2024).

26. *Тептеев А. Г.* Страницы из истории Нагайбакской станицы / А. Г. Тептеев // Этнокультурное и религиозное многообразие Урало-Поволжского региона : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2015. — С. 40—51. — ISBN 978-5-4417-0614-8.

27. *Шулежкова С. Г.* Латиница, арабика или всё же кириллица? (К проблеме создания нагайбакского алфавита) / С. Г. Шулежкова // Русский язык в синхронии и диахронии: сборник материалов Всероссийского семинара с международным участием, посвящённого Году педагога и наставника (19 мая 2023 г., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет). — Челябинск : ЗАО «Библиотека А. А. Миллера», 2023. — С. 131—137. — ISBN 978-5-93162-599-7.

28. *Шулежкова С. Г.* Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка / С. Г. Шулежкова // Гуманитарно-педагогические исследования. — 2022. — Т. 6. — № 3. — С. 49—54. — DOI: 10.18503/2658-2022-6-3-49-54.

*Статья поступила в редакцию 13.04.2024,
одобрена после рецензирования 09.06.2024,
подготовлена к публикации 16.06.2024.*

Material resources

- Baryshnikova, O. I., Shulezhkova, S. O. (2020). *"The soul suffers about you ...": Nagaibak chastushki with translation into Russian*. Magnitogorsk: Magnitogorsk House of Printing, CJSC. 156 p. ISBN 978-5-7114-0737-9. (In Russ.).
- Baryshnikova, O. I. (2019). Aytem tiktan aytelmey. In: *The proverb is not without reason: an explanatory dictionary of proverbs and sayings of the Nagaibak people*. Magnitogorsk: Magnitogorsk Printing House CJSC. 157 p. ISBN 976-5-7114-0679-2. (In Russ.).
- Bashirov, S. (2022). All-Russian Population Census 2021. The population of the regions. *Live-journal*, 03.09. Available at: <https://sevabashirov.livejournal.com/539466.html> (accessed 25.04.2023). (In Russ.).
- Decree of the Government of the Russian Federation № 255 dated March 24, 2000 "On the unified list of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation"*. Available at: <https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-postanovlenie-n255-ot24032000-h518626/> (accessed 19.02.2024). (In Russ.).
- NRSGr — Baryshnikova, O. I., Shulezhkova, S. G. (2023). *Nagaibaksky-Russian dictionary with grammatical marks*. Moscow: FLINT. 276 p. ISBN 978-5-9765-5436-8. (In Russ.).
- NRSTem — Mineev, P. M., Mineeva, V. A. (2017). *Russian-Nagaibak dictionary. Nagaibak-Russian dictionary. Russian-Nagaibak thematic dictionary*. Chelyabinsk: Cicero. 271 p. ISBN 978-5-91283-861-3. (In Russ.).
- RNR — Shulezhkova, S. G., Baryshnikova, O. I. (203b). *Russian-Nagaibak phrasebook*. Moscow: FLINT. 252 p. ISBN 978-5-9785-5435-1. (In Russ.).
- SGNF — Teryakov, I. G. (2015). *Dictionary of the Nagaibak dialect (based on the materials of the village of Fershampenoise in the Nagaibak district of the Chelyabinsk region)*. Moscow: FLINT. 260 p. ISBN 978-5-9765-5435-1. (In Russ.).
- The RNS LDC — Baryshnikova, O. I. (2015). *Nagaibak-Russian dictionary. Russian-Nagaibak dictionary*. Magnitogorsk: Publishing House of the Moscow State Technical University named after G. I. Nosov. 175 p. ISBN 978-5-9967-0635-8. (In Russ.).
- Vasiliev, N. P. (2023). *Collection of words and ethnographic notes about nagaibaks*. Ostrolensky settlement, Nagaibaksky district, Chelyabinsk region. 116 p. (In Russ.).

References

- Alpatov, V. M. (2013). Language policy in the modern world: "monolingual" and "bilingual" practices and the problem of language assimilation. *Comparative politics*, 2 (12): 11—22. (In Russ.).
- Assman, A. (2019). *Oblivion of history — obsession with history*. Moscow: New Literary Review. 552 p. ISBN 978-5-5-4448-1151-1. (In Russ.).
- Assman, A. (2014). *The Long Shadow of the past. Memorial culture and historical politics*. Moscow: New Literary Review. 328 p. ISBN-5-4448-1958-6. (In Russ.).
- Assman, Ya. (2004). *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 368 p. ISBN 5-94457-176-4. (In Russ.).
- Atnagulov, I. R. (2007). *The experience of a comprehensive historical and ethnographic study of the economy and material culture of the second half of the XIX — early XX century*. Magnitogorsk: MaGU. 244 p. (In Russ.).
- Atnagulov, I. R. (2021). The phenomenon of Nagaibak identity as a result of political and administrative reforms and Russian cultural influences of the second half

- p>of the XVI — early XX century.
- Bulletin of Tomsk State University*
- , 69: 86—91. DOI: 10/17223/19988613/69/12. (In Russ.).
- Balin, M. A. (2023). *The Russian Orthodox Church as an actor in the policy of internal colonization of the Russian Empire in Western Siberia and the Steppe region: the second half of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Omsk. 272 p. (In Russ.).
- Belorusova, S. Y. (2023). Do nagaibaks disappear? *Ethnography. Etnografia, 1 (19)*: 203—224. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19) 203-224. (In Russ.).
- Belorusova, S. Y. (2019). *Nagaibaki: dynamics of identity*. St. Petersburg: Publishing House of the MAE RAS. 424 p. ISBN 978-88431-376-7. (In Russ.).
- Belorusova, S. Y. (2017). The Orthodox identity of nagaibakov. *Religious studies*, 3: 49—56. DOI: 10.22250/2072-8662.2017. (In Russ.).
- Belorusova, S. Yu. (2016). Nagaibaki at the crossroads of Orthodox and Orthodoxy and Muslim missions. *Religious studies*, 3: 43—53. (In Russ.).
- Gupalov, A. (2019). Made the flow, kept the faith. In memory of the Christian educator Nagaibakov, the Kryashchensky priest. Ignatiy Timofeevich Timofeev. *Creative association*. Available at: <https://www.beesona.pro/id55178literature/-106002/> (accessed 20.02.2024). (In Russ.).
- Gupalov, A. (2023). *Nagaibak mission in the XIX — beginning. XX century. 1st edition*. Chelyabinsk: Council of the Russian Orthodox Church. 425 p. ISBN 978-5-6048719-5-9. (In Russ.).
- Imameeva, R. A. (1997). *Polyphony in Tatar folk and professional music (based on the song culture of the Nagaibaks — South Ural Kryashen Tatars and the works of Tatar composers of 60—70)*. Author's abstract of PhD Diss. Magshitogorsk. 23 p. (In Russ.).
- Kovalev, M. V. (2008). Historical holidays of Russian emigration as a way to preserve cultural memory. *Dialogue with time*, 25 (2): 119—138. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992). Memory in cultural illumination. In: *Elected. Articles: in 3 volumes. Articles on semiotics and typology of culture, 1*. Tallinn: Alexandra. 200—202. ISBN 5-450-01551-8. (In Russ.).
- Makarov, G. M. (2019). Christian holidays and spiritual songs of kryashen. In: *Kerashen madaniyate. Pravoslav bayramnar, slavutlar, dini zhyrular = Kryashen culture. Orthodox holidays, songs of praise, spiritual poems*. Kazan: Fatherland. 30—35. (In Russ.).
- Oganesyan, L. G. (2019). Reflection of Russian folklore traditions in the round dances of the Upper Ural Cossacks. *The world of science, culture, and education*, 5 (78): 511—513. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00201. (In Russ.).
- Makarov, G. M. (2015). *Nagaibak songs and musical instruments*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 207 p. ISBN 978-5-298-02915-5. (In Russ.).
- Sabanceev, R. Y. (2016). Cultural memory as a form of collective memory (epistemological aspect). *Veche*, 28: 267—271. (In Russ.).
- Shulezhkova, S. G. (2023). Latin, Arabic or Cyrillic? (On the problem of creating the Nagaibak alphabet). In: *Russian language in synchrony and diachrony: a collection of materials of the All-Russian seminar with international participation dedicated to the Year of the Teacher and Mentor (May 19, 2023, South Ural State Humanitarian Pedagogical University)*. Chelyabinsk: A. A. Miller Library CJSC. 131—137. ISBN 978-5-93162-599-7. (In Russ.).
- Shulezhkova, S. G. (2022). The Russian trace in the lexical and phraseological system of the Nagaibak language. *Humanitarian and pedagogical research*, 6 (3): 49—54. DOI: 10.18503/2658-2022-6-3-49-54. (In Russ.).

- Suleymanov, R. *Nikolay Ilminsky: debunking myths. Interview with Kryashen leader Arkady Fokin* (From the book “Nikolai Ilminsky and the Kryashen national movement: a collection of conference materials (December 27, 2012)”. Available at: <https://pravoslavie.ru/55796.html> (accessed 12.04.2024). (In Russ.).
- Tepteev, A. G. (2015). Pages from the history of the Nagaibak village. In: *Ethnocultural and religious diversity of the Ural-Volga region: a collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Orenburg: IPK Universitet LLC. 40—51. ISBN 978-5-4417-0614-8. (In Russ.).
- The results of correspondence on the question of the application of the Russian alphabet to foreign languages*. (1883). Kazan: Printing House of the Imperial University. 48 p. (In Russ.).
- Valeev, G. K. (2015). *Reflections on the “Nagaibak-Russian and Russian-Nagaibak dictionary”*. *The Russian-Nagaibak dictionary. Scientific Research Dictionary Laboratory of the ITC*. Magnitogorsk: Publishing House of the Moscow State Technical University named after G. I. Nosov. 2—27. ISBN 978-5-9967-0635-8. (In Russ.).
- Vdovina, S. I. (2008). *Honeycombs of people’s memory*. Chelyabinsk: ALIM LLC. 224 p. ISBN 978-5-903322-36-7. (In Russ.).
- Zubanova, L. B. (2020). Digital memory in the space of memorial culture: images of the past in media technologies of the future. *Chelyabinsk Humanities*, 3 (52): 15—22. DOI: 10.24411/1999-5407-2020-10302. (In Russ.).

*The article was submitted 13.04.2024;
approved after reviewing 09.06.2024;
accepted for publication 16.06.2024.*